

Глава 8

«С ВОЙНОЙ ЗАКАНЧИВАЯ СЧЁТЫ»

январь – июль 1944 г.

Январь 1944 года. Красная Армия наступает на витебском, могилевском и гомельском направлениях. Противник подтягивает новые войска к Бобруйску – создаёт круговую оборону.

В городе забаррикадированы улицы и отдельные здания.

Подвалы приспособляются под огневые точки. На некоторых перекрёстках врыты танки, построены доты. Организована сильная противо-

душная оборона. Карательные отряды постоянно мечутся по населённым пунктам, хватая молодежь для оборонительных работ.

Но не только к обороне готовился враг. Готовился он и к *отступлению*. Партизанские связные, разведчики и агента в Бобруйске сообщали: из тыла подходят порожняком автомобили, вагоны, телеги, обратно – груженные скотом, продовольствием, горючим; специальные команды портят дороги, взрывают мосты, уничтожают переправы через Березину и Птичь; усилена охрана магистралей, вдоль коммуникаций вырубают леса и строят дзоты.

Партизаны усиливают диверсионную деятельность на коммуникациях противника.

БОИ, БОИ...

Засада у шоссе Бобруйск-Глуск

Рота Шпрыгова подошла к шоссе Бобруйск-Глуск, разбилась на две группы, и замаскировалась у шоссе.

Вскоре со стороны Бобруйска показалось около роты лыжников, шли по обочине шоссе.

Как только лыжники вытянулись вдоль засады, утреннюю

тишину разорвал залп...

Около двух десятков вражеских солдат осталось лежать неподвижно.

Спасение жителей Макаровки

Возвращаясь в лагерь отряда, недалеко от деревни Макаровки Шпрыгов объявил бойцам:

– Всё – привал!

14 января 1944 г.

**Красная Армия освободила
Мозырь и Калинковичи**

И тут к Шпрыгову подбежали двое плачущих мальчишек.

– Что случилось? Вы чего тут мокроту разводите?

Выяснилось, что в Макаровке сейчас лютуют каратели: согнали в сарай всех жителей деревни – хотят сжечь людей. А они, мальчишки, успели убежать.

– Дяденьки, спасите наших, – ревели мальчишки.

– Надо спасти людей! – обратился к бойцам Шпрыгов. – Атакуем! Развернутой цепью. Создавайте побольше шума. Патронов не жалеть.

Выбежали на окраину леса. И сразу же увидели: карателей – в двухстах метрах, возле сарая, откуда раздавался плач и крики жителей. Подперев двери сарая жердью, каратели уже приступили к обладыванию сарая соломой.

Бегут бойцы изо всех сил, кричат «ура!», стреляют на ходу... Бегут – к сараю!

Пулемётчик Миронов старается в первую очередь поразить тех, кто при соломе у сарая.

Никак не ожидавшие нападения, каратели растерялись. И это их замешательство позволило партизанам зацепиться за первые постройки, укрыться за ними.

Каратели засели в хатах и яростно отстреливаются через окна. Партизаны гранатами «выкуривают» их.

Начался уличный бой...

Около двух десятков карателей остались лежать у сарая и на улице. У Шпрыгова погибли трое: Умар Кудашев, Григорий Багдасаров, Ануфрий Доброгост.

Жители Макаровки горячо благодарили партизан за спасение. Шпрыгов, увидев тех двоих мальчишек, с которыми разговаривал в лесу, подошёл к ним, обнял за плечи, и почти в слезах, сказал:

– Вот кого надо благодарить! А спасти вас – наш священный долг.

И вдруг толпа жителей рассыпалась: «Немцы!»

Немцы шли в колонну по одному на лыжах, в белых маскхалатах.

– К бою! – скомандовал Шпрыгов.

Колонна противника стала перестраиваться в цепи, одна двинулась влево, другая вправо – в обхват деревни. Команда «файер!» последовала, когда до деревни было немногим меньше двухсот метров. На выстрелы немцев партизаны не отвечали: берегли патроны.

Последовала гортанная команда «форвертс!», и солдаты с криком «хох!» бросились в атаку.

И только теперь раздались партизанские пулеметные и прицельные одиночные автоматные и винтовочные выстрелы.

Атака немцев захлебнулась.

Установилась тишина. Но не надолго, офицер снова бросает солдат в атаку. Результат тот же: сильным огнем партизаны прижимают врага к земле.

Шпрыгов переползал от группы к группе своих бойцов и, стараясь сохранять спокойствие, приговаривал:

– Так, хлопцы, держимся... до темноты. А там они сами уйдут.

Потеряв до трёх десятков солдат, с наступлением темноты каратели ушли.

*

Почти каждый день отряды бригады им. Пархоменко вели бои с карателями. Боёв было так много, что уже через месяц бойцы, вспоминая недавние события, путались в месте и времени. А что уж говорить о том, как всё это помнилось ветеранам-партизанам лет через тридцать, а то и сорок. Летописцев, как известно, в отрядах не было.

Каково тогда мне – автору этой книги?! Когда столько путаницы в воспоминаниях самих участников событий...

И потому «бои местного значения» придётся опустить. Нельзя же в почти документальной книге пользоваться приемами фантастов.

НА ЗАПАД!

На запад, на запад ползёт батальон,
Чтобы солнце взойшло на востоке.

Из песни В. Высоцкого

24 января 1944 года в бригаду поступил приказ Белорусского штаба партизанского движения о перегруппировке части партизанских сил с востока на запад республики – для усиления партизан, действовавших в западных областях.

Бригаде Львова в связи с тем, что Бобруйский и Глуский районы становились прифронтовой полосой, надлежало передислоцироваться из района Зубаревич в район деревни Сквощин Старобинского района, что километров на восемьдесят западнее, и там потрепать вражеский тыл перед приходом нашей армии.

Марш-бросок

Восемьдесят километров – это если по прямой, а по лесным дорогам – и все сто. Перейдя на правый берег Птичи, бригада направилась к новому месту дислокации.¹ В авангарде шли «кировцы» во главе с Максимом Цариком, сменившим погибшего Голодова, в арьергарде – «фурмановцы», их вёл Василий Кучугура (больного тифом командира отряда Щербича везли на санитарных снях).

Только подошли к дороге Любань-Калиновка, как нарвались на засаду гитлеровцев. Львов быстро развернул бригаду в боевой порядок, и, не давая гитлеровцам овладеть инициативой, скомандовал: «Вперед! Бей гадов!»

Боевое «ура!» прокатилось по лесу.

Противник, отстреливаясь, стал отходить.

Более десятка немцев остались лежать в Калиновском лесу. Бригада потеряла трёх человек убитыми и четырёх ранеными. Да ещё опрокинулись штабные сани, когда «форсировали» (мост был разрушен) Оресу.

Один мешок с документацией отряда пошёл ко дну, два других намокли. И вот, наверное, почему при работе в партизанском архиве я встречал довольно помятые, плохо читаемые документы, и тут же в двух, а то и в трёх экземплярах они же,

¹ Уходом партизан из партизанской зоны воспользуются оккупанты. В феврале 1944 они нагрянут в Мальн, где проживали партизанские семьи из разных деревень, и сожгут деревню со всеми её жителями.

переписанные от руки красивым почерком (кажется, рукой Марины Болбас). Некоторые документы, например, списки отряда, ранее представлялись в штаб соединения, и их можно было восстановить. Но наиболее свежие – а таковыми были награжденные списки – копий не имели... А награда для воина это не только знак доблести и героизма, но еще и узелок памяти о конкретном событии в его жизни. Развяжет этот узелок ветеран-воин, а там и он сам, и его друзья-товарищи, и тот кусочек земли, на котором осталась его кровь.

4-го февраля «кировцы» в составе двух рот остановились в Калиновке на отдых. Переночевав, на санях поехали по болотистой местности. И тут выяснилось, что исчезли два бойца – дезертировали.

В три часа ночи 6-го февраля прибыли в деревню Заберезинец на пятичасовой отдых.

Комбриг Львов собрал командование отрядов, объявил: здесь – в деревнях: Обидемля, Завыход, Сковшин, и Заберезинец – отряды станут гарнизонами. Смешанный лес и густой кустарник – хорошее укрытие от глаз вражеской авиации. «Кировцам» – стоять вблизи Сковшина, деревни из 205 дворов и с одной тысячей жителей. Рядом устраивается штаб бригады².

– И последнее, – сказал, закрывая совещание, Львов. – Разъясните своим бойцам: в здешних лесах теперь хозяева мы, и это должны понять немцы, их холоуи – «бобики», и разные там «добровольцы».

7-го февраля командир отряда Царик выслал трёх разведчиков в район деревни Сосны. Он хочет сходу, пока местные оккупанты разберутся, где и сколько новых партизан объявилось в районе, устроив засаду, разбить их. По карте уже выбрал место для засады.

Разведчики³ на следующий день, 8 февраля, вернулись, докладывают:

– Вообще-то, товарищ командир, оккупанты о нас знают больше, чем мы о них. Местные жители отмечают оживление в гарнизонах. Ходят слухи: ждут подкрепления. Между Сковши-

² В 1965 г. в д.Сковшине в честь 37-й партизанской бригады им. А.Я.Пархоменко установлена стела.

³Разведку проводили: Максим Болбас, Николай Ляшко и Тимофей Голуб.

ном и Заберезинцом мы заметили подозрительные передвижения немцев.

Комиссар Буянов – Царику:

– Командир! Может, с засадой повременим? Мы ведь еще не наладили связь с местными жителями, нет у нас агентурной разведки. Да и люди наши подустали после такого марафона.

– Нет, – ответил Царик, – именно потому и надо дерзнуть. Победа воодушевит всех. А это, сами понимаете, что значит.

Отряд нарвался на засаду

Нет, победа не состоялась.

9 февраля 1944 года отряд им. Кирова вышел из Сковшина в сторону деревни Заберезинец, чтобы устроить засаду...

И около совхоза «Сосны»... сам нарвался на засаду врага.

...Уже брезжил рассвет, но в лесу еще было темно, когда отряд вышел на операцию.

Шли колонной. Впереди командир отряда Царик и комиссар Буянов. Шли, разговаривали – тем у командира с комиссаром предостаточно.

Было около семи часов утра. Отряд шёл без обязательного в таких случаях головного дозора и бокового походного охранения, и был хорошо виден со стороны кладбища, где как раз и была засада. Оттуда, из засады, и ударили немецкие пулемёты.

Упал лицом вниз командир Царик. Как бы споткнувшись о командира, опрокинулся навзничь комиссар Буянов. Вскрикнул начальник штаба Дроздов, но тут же, как подкошенный, свалился под ноги бойцу Чирадзе.⁴ Ранены Константин Перельгин, Николай Фалецкий, командир отделения разведки Иван Ледян и еще пятеро бойцов.⁵

Командир роты Шпрыгов проявил самообладание:

– Отряд, слушай команду!..

Бойцы рассыпались, залегли и открыли ответный огонь.

Ещё минута, и партизаны нанесли удар по противнику сразу с трёх направлений: в лоб и с флангов. Потеряв около десятка солдат, противник стал отступать.

⁴ Тяжело раненого начальника штаба Дмитрия Дроздова вынес с поля боя боец Давид Чирадзе.

⁵ Погибли: Коковко И.М., Кузьмин А.С., Герасимов С. Без вести пропали Шакиров Хафис, Булко Василий.

Шпрыгов, дабы не допустить, чтобы противник снова залёг и стал поражать партизан отсекающим огнём, повёл «кировцев» на сближение с противником: «В атаку! Ура!»

**24 февраля 1944 г. –
Красная Армия освободила г. Рогачёв**

Противник, не выдержав натиска, стал оставлять свои засадные позиции.

Шпрыгов, не зная истинного размера засады, решил вывести отряд из боя.

Дважды, 10 и 11-го февраля, направлялись разведгруппы к месту злополучного боя. Видели тело комиссара Буянова, но как его забрать? Наверняка заминирован, да и засада может быть. И только 14-го февраля, убедившись, что засады нет, разведчики решились... Привязали к ногам длинную веревку, отползали и медленно сдвигали тело с места...

У гроба комиссара выставлен почётный караул.

Был траурный митинг и слёзы, слёзы. Всех, погибших в том бою, похоронили в братской могиле.

Война в Белоруссии была уже на исходе. Люди ощущали приближение Победы, и им теперь ой как хотелось дожить до нее. И как много зависело от тех, кто вёл людей за собой, особенно, если вёл в бой!

К этому времени постепенно, из-за гибели или ранений, в отрядах стало меньше кадровых офицеров Красной Армии, на их место часто ставились получившие некоторый боевой опыт, но неподготовленные в тактическом отношении люди.

Кстати, подобное положение к этому времени было и в Красной Армии. Из-за больших потерь в первый период войны офицеры с боевым опытом сохранились лишь на уровне полка и выше. Во взводах, ротах и батальонах испытанных в боях офицеров, сержантов и старшин было очень мало. Заполнялись эти должности часто прокурорами, учителями и другими интеллигентными, но никак не военными, людьми. Отсюда и проблема преемственности боевого опыта с вытекающими последствиями – сотни и тысячи плохо обученных бойцов гибли, порой, не успев поразить противника.

КОМАНДИР ОТРЯДА – ШПРЫГОВ!

В конце февраля приказом штаба Минского соединения командиром отряда был утвержден Владимир Федорович Шпрыгов.

Автобиография

Я, Шпрыгов Владимир Федорович, родился в 1918 г. в д. Стеблево Колянского сельсовета Грязовецкого района Вологодской области в семье крестьянина. Родители до и после революции занимались земледелием, а с 1932 по это время в колхозе.

Закончил семилетку, школу ФЗУ и с 1936 года работал слесарем на заводе в Вологде.

В 1938 г. был призван в армию, служил в 214-й воздушно-десантной бригаде (ВДБ). Там же в 1940 году окончил полковую школу младших командиров.

Член ВКП(б) с 1943 года. Участник финской кампании и походов в Прибалтику.

С 22 июня до октября 1941 г. находился в составе 214 ВДБ в действующей армии. Попали в окружение и выходили группами.

С 6 февраля 1942 по это время нахожусь в отряде Хратко (им. Кирова).

Вернулись!

4-го марта отряд облетела новость: прибыли убежавшие из плена Александр Шуев, Иван Пыхтин и Николай (Антонович) Сакович! С ними собирался бежать и Евгений Адамович, сын Анны Митрофановны, да тиф свалил.

Они бежали из Слуцкого лагеря еще 12-го февраля, добрались до Зубаревич, а там отряда не оказалось. Однако сумели найти...

ТИФ

Весна пришла на редкость ранняя: во второй половине марта развезло дороги, согретые первыми весенними лучами. Размокшая почва затрудняла движение по лесу.

С весной пришла и беда: сыпной тиф.

Отрядные медики бросились в атаку на заразу. Наладили помывку бойцов в бане с обязательной прожаркой белья и верхней одежды (еженедельно и после возвращения с боевых операций). Потребовали от бойцов: регулярно проветривать жилые помещения; через день менять солому, старую сжигать;

подстилки и одеяла ежедневно выбивать и проветривать; мыть ежедневно полы; не пользоваться постельными принадлежностями гражданского населения; стричься только накоротко; стирать бельё с обязательным его кипячением (жалели, что не смогли наладить ещё и утюжку). Организовали изоляторы при каждом отряде.

И всё-же тиф косил людей: умерли командир «фурмановцев» Василий Щербич, старый партизан Василий Кабанович и около десятка бойцов.

«ЧТОБЫ НЕ СМОГЛИ ВОССТАНОВИТЬ!»

С приближением фронта оккупанты стали изыскивать дополнительные пути для отхода. И недавно приступили к восстановлению железной дороги Уречье-Старушки (ныне не существует). Над Сковшинным периодически появлялась «рама».

Комбриг Львов получил приказ Козлова: участок железной дороги от совхоза «Сосны» до станции Старушки разрушить так, чтобы противник не смог его быстро восстановить.

Отрядам им. Кирова и им. Фурманова предстояло разрушить железнодорожное полотно на участке от кирпичного завода до Постолов (это около четырех километров) и сжечь прилегающие к железной дороге постройки, в первую очередь казарму в совхозе «Сосны» и кирпичный завод.

Отряды произвели разведку своих участков и к 7.30 12-го марта от Ветчина до Дякович выставили охранение. Через полчаса на месте «работ» появились и сами отряды – вышли полным составом, за исключением хозяйственных взводов и суточного наряда. На всякий случай пришли с полным вооружением и работали, не снимая оружия.

У каждого взвода был свой участок разрушения железнодорожного полотна. На одном из них «работал» взвод Иосифа Тасминского.

Работа шла полным ходом: ломami и «лапами» выдергивали костыли; ключами разъединяли чугунные рельсы, еще прошлого века изготовления, снимали их и, немного согнув (они при этом лопались), ломали. Тросом оттаскивали рельсы и шпалы подальше от насыпи. Шпалы складывали в штабеля и поджигали.

Весёлые голоса, смех: «Эй, взяли!»

Сам командир взвода, расставив бойцов по рабочим местам, с пистолетом-пулемётом Дегтярева (ППД-40) отошёл в сторону, и, ознакомившись с особенностями местности, «вычислил» наиболее вероятный путь продвижения немцев, если они попытаются явиться сюда, и залёг в засаду в двухстах метрах – там к железной дороге близко подходила грунтовая дорога, по которой противник мог прибыть.

Прошло часа два, и Тасминский увидел взвод немцев, идущий по железнодорожному полотну. По-видимому, они не подозревали о близком присутствии партизан, ибо шли с оружием «за спину» – и этот фактор сыграл решающую роль. Первой же очередью пулемёта уничтожена первая шеренга.

Услышав непрерывный и настойчивый стук пулёмета, бойцы бросились к командиру на помощь. Понадобилось несколько минут, чтобы обратить оккупантов в бегство. В итоге: 5 убитых и 8 раненых гитлеровцев, и без потерь у партизан.

Возвращаясь в лагерь, бойцы обсуждали происшедшее. Во-первых, где было же отрядное боевое охранение? Это его задача заметить и завязать бой с приближающимся противником. Прозевали хлопцы! Во-вторых, их командир, как всегда, берёт своих бойцов (это была особенность Тасминского, о ней бойцы между собой не раз говорили, уважали его за это – и стремились попасть к нему во взвод). Он не понадеялся на боевое охранение и не побоялся разговоров о том, что «сам-то уклонился от работы», занял то место, где он был более всего нужен. Заметь немцы партизан первыми – расстреляли бы всех на месте, никто не успел бы даже снять из-за спины оружие.⁶

«ВЫ ОТВЕЧАЕТЕ ЗА ПОРЯДОК В ДЕРЕВНЯХ...»

За каждым отрядом, помимо той деревни (или ее части), которую он занимал, были закреплены еще и близрасположенные посёлки. За отрядом им. Кирова – та часть деревни Сквашин, где расположен сам отряд, и прилегающие посёлки. За отрядом им. Щорса – Заберезинец, Забродье, Старая Терушка. За отрядом им. Чапаева – Обидемля, Берёзовка. За отрядом им. Фурманова – та часть деревни Сквашин, где уже разместился этот отряд и ещё одна деревенька.

⁶ «Искусство управлять – это умение предвидеть неожиданности и подготовиться к ним» – говорил, бывало, мой отец, Иосиф Игнатьевич Тасминский. – **А.Т.**

Командиры и комиссары отрядов отвечали: за проведение политмассовой работы в прикрепленных деревнях и посёлках, за недопущение неправильного взаимоотношения с населением, за случаи мародерства.

Только *«на основе проводимой политмассовой работы среди населения»* отряды могли пополнять свои продовольственные запасы. Ежели в закреплённой за отрядом деревне выявлялись семьи, в которых кто-либо изменил Родине или просто работает в пользу немцев, то разрешалось конфисковать у них скот и продовольственные запасы, но... *«оставив прожиточный минимум – до нового урожая»*.

Категорически запрещалось «брать» скот в деревнях партизанских зон и у красноармейцев.

ОБЕ СТОРОНЫ ГОТОВЯТСЯ

В конце марта в районах Слуцка, Старых Дорог, Глуска, Старобина и Житкович противник сосредоточил крупные силы, оснащенные артиллерией, миномётами, танками и самолётами. С целью: сначала уничтожить штаб Минского соединения, размещавшийся в Сосновке, и затем пойти на разгром бригад и отдельных отрядов.

Штаб соединения перебазировался в лесной лагерь, что неподалеку от реки Оресы. Командир соединения Козлов отдал приказ отрядам и бригадам: быть готовыми к жёсткой обороне и во что бы то ни стало удержать центральную партизанскую зону, в которой находилось до пяти тысяч местных жителей.

На всем участке обороны партизаны и сотни жителей деревень – Альбинск, Кузьмичи, Сосны, Сковшин, Загалье, Калиновка, Ушибочек, Обидемля, Коммуна, Заберезинец, Нежин, Сосновка – день и ночь трудились на строительстве оборонительных сооружений. Рыли окопы, траншеи, возводили дзоты и блиндажи, устраивали лесные завалы, минировали дороги на особо опасных направлениях. Два дзота были сооружены там, где Оресу можно было перейти вброд.

После окончания работ селян увели в лесные семейные лагеря, надёжно прикрытые глухими лесами и болотами.

Зачастили туманы и дожди, а в такую погоду немецкие бомбардировщики не решались подниматься в воздух. А без

поддержки авиации наступать на партизан наземные войска не решались.

НОВЫЙ КОМИССАР ОТРЯДА

Поставленный комиссаром вместо погибшего Буянова, Михаил Гутковский заболел, и комиссар бригады Храпко спросил политруков рот, кого бы они хотели видеть комиссаром отряда? Те предложили Иосифа Тасминского, хотя тот теперь был командиром взвода у «фурмановцев».

Храпко подъехал к Тасминскому, когда тот готовил бойцов взвода к выходу на очередную операцию, отозвал в сторону и сказал:

– Товарищ Тасминский! «Кировцы» предлагают назначить вас к ним комиссаром. Как вы на это посмотрите?

Тасминский ответил решительным отказом:

– Комиссар – должность политическая. У меня в этом направлении нет никакого опыта. Да и в бригаде есть люди с высшим образованием: даже доцент и профессор. У меня же – среднее образование.

Храпко уехал, но через три дня явился снова – теперь с группой «кировцев», бывшими сослуживцами Тасминского по отряду.

– Иосиф, вместе с тобой мы воевали полтора года, – страстно заговорил один из «кировцев», – знаем, как ты воевал десять месяцев здесь, у «фурмановцев». Знаем и то, что ты нас под пули зря не подставишь, да и другому не дашь этого сделать. В общем, хлопцы хотят видеть комиссаром только тебя, соглашайся. А вот записка от Шпрыгова, он также просит тебя быть у него комиссаром. Короче, будем сидеть, пока не согласишься...

...Комиссары в Красной Армии и в партизанских формированиях считались как бы полномочными представителями коммунистической партии. Вместе с командиром комиссар *отвечал* за все стороны жизни и деятельности отряда. *Участвовал*: в разработке, подготовке и проведении боевых операций, в пополнении отряда людьми, в обучении их военному делу, в материально-техническом обеспечении, в укреплении авторитета командиров, дисциплины, сплоченности и взаимовыручки среди партизан. *Руководил*: деятельностью партийной и комсомольской организаций, устной и печатной агитацией и пропагандой.

Организовывал культурно-массовые мероприятия среди партизан и местного населения. Когда в октябре 1942 года в Красной Армии был ликвидирован институт армейских комиссаров, а заодно и партизанских комиссаров, то именно партизанская действительность показала ошибочность такого решения, и вскоре должность комиссара в партизанских формированиях была восстановлена.

Тасминский понимал, что отряд им. Кирова находился в очень трудном положении. В декабре сорок третьего выбит почти весь командный состав, погибли многие из опытных бойцов. Да ещё гибель около десятка человек у деревни Заберезинец в феврале... Владимира Шпрыгова Тасминский знал по совместному участию в боевых операциях более двух лет, и хотелось помочь этому храброму и умному командиру. Согласился!

ВЕСЕННИЕ БОИ

Только в первой декаде апреля установилась ясная погода. Ласково светило солнце, и все живое радовалось весне.

Наступление противника началось в середине апреля 1944 года.

Рано утром, когда золотисто-розовые лучи поднявшегося солнца упали наземь, вдруг раздался тревожный крик:

«Воздух!»

Из-за кромки леса выскочила тройка «юнкерсов». За ней ещё одна тройка. Потом ещё, и ещё...

Глухо и тяжело начинает подрагивать земля...

Грохот нарастает.

Уже вся линия партизанской обороны окутана дымом.

В деревнях разрушены и горят хаты. Но там жителей нет – они укрылись в ближайших лесах.

Партизанская линия обороны предназначена для сухопутного противника, она не отвечает на воздушных пиратов, дабы не демаскировать свои позиции.

Вначале бомбы падали недалеко от бруствера, потом обрушились на окопы и траншеи.

Волна за волной накатывались бомбардировщики...

Но вот улетели стервятники. Из полуразрушенных траншей доносились стоны раненых. Кто-то пыгается выбраться из-под завала сам, кого-то откапывают товарищ...

После бомбежки, на партизан, укрепившихся на окраинах деревень Скovichин, Калиновка, Убобычек и Кузьмичи, пошла фронтовая пехота врага, поддерживаемая артиллерией и миномётами.

Атаку за атакой отбивали «кировцы». Но враг упорствовал: офицеры возвращали своих, было уже пятывшихся, солдат.

Периодически враг отступал – но только для того, чтобы на позиции партизан сначала обрушить огненный шквал артиллерии и минометов, а затем прислать «онкерсы».

А под вечер на окопы партизан пошли танки. Две машины подорвались на партизанских минах, три – подожжены из бронебойного ружья.

К ночи противник успокоился, но на рассвете опять все то же: огненный шквал с неба и земли и атаки пехоты.

Бой шёл весь день. Бригада Львова оказалась во вражеском полукольце. Правда, комбрига это не очень беспокоило: знал, что с внешней стороны по этому полукольцу (и даже по кольцу) ударит другая бригада. Да и немцы не станут втягиваться далеко вглубь, зная тактику партизан.

12-го мая на 15-ом километре однопутной железной дороги Старушки-совхоз «Сосны» подрывной группой отряда спущен под откос эшелон. Уничтожены паровоз, 2 платформы с живой силой и 4 – со стройматериалами.

13-го мая группой партизан на шляху Калиновка-Коммуна уничтожен автофургон со взводом немцев...

Близится, близится день освобождения. Каждый день залетает какая-нибудь «ласточка». Вот пришел приказ: из отрядов направить в распоряжение штаба бригады всех партизан и командиров польской национальности. Ого-го, куда смотрят там, наверху! Черед подходит Западной Белоруссии, глядишь, – и Польша! А там – и в логово врага войдём!

«Кировцы» прощаются со Станиславом Стричиком и Вандой Ивановской; они поляки, знают польский язык, обычаи и нравы польского населения западных областей Беларуси – им и карты в руки. Есть, есть разница между менталитетом восточных и западных областей. На уровне простых людей эта разница легко учитывается. Но чем «выше», тем труднее!

БЛОКАДА У ЧЕРВОНОГО ОЗЕРА

18 мая 1944 г. немецкие фронтовые части численностью до 12 тысяч человек с танками, самоходными орудиями, минометами, авиацией начали блокировку двух партизанских бригад (Львова и Шашуры) в Старобинских лесах.

Обозначилось три вражеских группировки.

Первая группировка – неустановленной численности, с танками и артиллерией – вышла на окраину партизанской зоны в районе деревень Листопадовичи, Саковичи и Березовка, и стала наступать на деревни Мелковичи, Махновичи, Комсомолец, Долгое и Ананчицы.

Вторая группировка – численностью до 3500 человек на 200 автомашинах, 15 танках и 20 бронемашинах и с артиллерией – собралась в районе деревни Речень и повела наступление на Обидемлю и далее на Сковшин.

Третья группировка противника – собралась у восточной стороны железной дороги (от совхоза Сосны до деревни Ветчин), и пошла с Постолов на Сковшин. Однако была остановлена засадой отряда им. Кирова, и отошла к Постолам. Часть этой группировки с Дякович повела наступление на Домановичи, где располагался отряд им. Чапаева, заняла Забродье. «Чапаевцы» отошли, не понеся потерь.

Чтобы сохранить людей, Львов решил сменить место дислокации бригады, перейдя железную дорогу Совхоз «Сосны»-Старушки. Комбриг рассчитывал выйти из окружения и нанести фланговые удары. Но это не удалось: противник расставил засады и усиленно контролировал дороги, так что даже отдельные разведгруппы не смогли пройти.

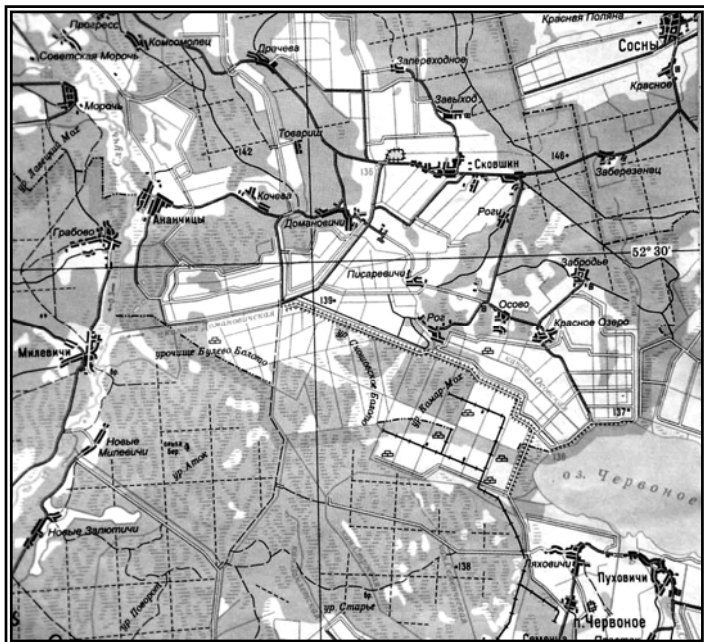
20-го мая противник повёл наступление из Березинца на Сковшин. Здесь зажатými оказались несколько бригад. Но, отбив две атаки противника, бригады нанесли ему большие потери и заставили отступить к железной дороге.

Попытка бригад прорваться за железную дорогу на плечах противника сорвалась, ибо противник тотчас же стал стягивать сюда основные силы, ещё немного – и партизаны оказались бы окружены.

Тогда бригады рассредоточились и стали уходить – в разных направлениях.

Львов приказывает бригаде: *оставить обоз, забрать больных и раненых и, перейдя урочище Комар-Мох, выйти в Ляховичскую пущу (юго-западнее Червоного озера).*

Оставив в лесу повозки и лошадей, взяв груз и раненых на плечи, две бригады (Львова и Далидовича) подошли к болоту, от которого тянуло сыростью и гнильюю.

Первыми в болото пошли разведчики, жердинами нащупывая твердь. Остальные цепочкой – за ними, след в след.

Где-то далеко послышались выстрелы, заухали, отдаваясь по болоту, разрывы. Партизаны остановились, напряженно прислушиваясь. Стрельба и разрывы слышны только позади.

По цепочке команда: *продолжать движение!*

И снова под ногами чавкает болотная жижа.

Немцы пытались достать партизан пушками и миномётами, а также бомбардируя с воздуха. Но эффективность пушек и минометов была очень низка: снаряды и мины плюхались в болото и... не взрывались. Самолеты же надо было наводить на цель, а партизаны постоянно перемещались.

К счастью, партизаны шли по мелиоративным каналам с твердым дном, хотя и по горло в воде. Шли близко к берегу озера, шли «на матерью» — каждый отряд в свой район.

Немцы же, потеряв партизан из виду, стали бомбить те деревни, куда они могли явиться.

Вот как вспоминала Анна Митрофановна Адамович этот переход:

«До Червоного озера добирались через тонкие канавки, перекладыны были скользкие, обувь — лапти из сырых кож, опорой служили длинные шесты. Но все равно я поскользнулась и погрузилась в жижу. Бойцы подали мне два длинных шеста, вытащили, а я всё судорожно держусь за них. Они смеются: «Оставьте, вы уже спасены». Помогли слегка обмыться и пошли дальше. До этого мы несколько дней не ели. В гражданских лагерях нам дали крупы пшённой. Набрал котелки, попытались варить, но сопровождавшие нас самолеты не давали возможности разложить костры. Раненых несли на самодельных носилках, часто меняясь, так как все были измучены, без еды и отдыха. Добрались до озера. Коваленко Миша где-то нашел лодку, законопатили её, и он один перевёз всех больных на другой берег, т.е. в Комар-Мох. И, какое счастье, бомбили, но не попали! Здоровые перешли по топкому болоту. Шли не зуськом, а врассыпную. Это болото засасывало — помощь оказать невозможно. Шли без шума и разговоров. Каждый был под таким напряжением, страхом... Ступая осторожно и следя за каждым своим шагом, выбрались, ступили на твердую почву, и все как один свалились в мягкий, как перина, мох. Это было неописуемое блаженство. Отдыхали несколько часов, вернее, ночевали. Комары кружились, как облако, не щадя, выпивали из нас последнюю кровь. Неба не видно было даже днём. Белорусы переносили легче, но другие очень тяжело — стали опухать. Соли не было. Двигаясь по болотам, находили залежи удобрений, заливали водой, раствор этот сливали, выпаривали, и оставался белый осадок. Не чистый вкус соли, но все

лагерях нам дали крупы пшённой. Набрал котелки, попытались варить, но сопровождавшие нас самолеты не давали возможности разложить костры. Раненых несли на самодельных носилках, часто меняясь, так как все были измучены, без еды и отдыха. Добрались до озера. Коваленко Миша где-то нашел лодку, законопатили её, и он один перевёз всех больных на другой берег, т.е. в Комар-Мох. И, какое счастье, бомбили, но не попали! Здоровые перешли по топкому болоту. Шли не зуськом, а врассыпную. Это болото засасывало — помощь оказать невозможно. Шли без шума и разговоров. Каждый был под таким напряжением, страхом... Ступая осторожно и следя за каждым своим шагом, выбрались, ступили на твердую почву, и все как один свалились в мягкий, как перина, мох. Это было неописуемое блаженство. Отдыхали несколько часов, вернее, ночевали. Комары кружились, как облако, не щадя, выпивали из нас последнюю кровь. Неба не видно было даже днём. Белорусы переносили легче, но другие очень тяжело — стали опухать. Соли не было. Двигаясь по болотам, находили залежи удобрений, заливали водой, раствор этот сливали, выпаривали, и оставался белый осадок. Не чистый вкус соли, но все

же. Но не всегда удавалось выпарить... Почти у всех на теле стали появляться сине-багровые пятна. Тошнота, слабость невероятная...»⁷

Отдохнули немного и приступили к постройке шалашей и окопчиков для укрытия на случай бомбардировки с воздуха или артиллерией.

Итак, бригада Львова разместилась на болотистых островах западнее деревни Ляховичи в районе отметки 136.1, держала заставы в районе Пухович, Ляхович и вела разведку в направлении Житкович, Старушки и Ветчин, а также в районе прежней дислокации. Поддерживалась связь с бригадой № 25 и Полесской бригадой № 50.

Несмотря на тяжёлые условия тех дней, партизаны не прекращали своих активных действий. Так, группа Савелия Тарасова из 7 человек (это отряд им. Фурманова) после выполнения задания по подрыву воинского эшелона вернулась в Сковшин. Недалеко от деревни её перехватил дозор отряда им. Кирова и предупредил о том, что отряда здесь уже нет – блокированный, он находится в урочище Комар-Мох у Червоного озера.

...И вот две группы – Тарасова и та, что была в дозоре – пробираются сквозь оцепление и идут в болото, чтобы при-

соединиться к тем, чья жизнь буквально висит на волоске. По пояс в болоте идут бойцы вдоль берега озера пробираются к отряду.

Наконец, наткнулись на островок, где прятались от карателей старики, женщины и дети. Затем на трёх лодках перебрались к отряду.

Пехотинцы подошли к болоту Комар-Мох. Стоят. Дальше идти не решаются. И только когда офицер что-то прокричал – пошли в направлении острова.

⁷ Анна Адамович. И так было каждый день. «Нёман», № 10, 1999. С.171–172.

Но лошади и обоз тут же стали проваливаться в болото.

Прошли немцы ещё сто метров по болоту – а по ним ураганный прицельный огонь из всех видов оружия. Оставив более двух десятков убитыми, преследователи отступили.

Быстро прошла ночь. Пойдут ли немцы снова?

«Но, что это? – со стороны противника ни единого выстрела! Что-то затевают?»

Во второй половине дня бригадные разведчики сообщили: *немецкое командование спешно сняло свои подразделения, действовавшие против партизан, и перенаправило их на фронт.*

Итак, блокада снята! Немцы мечутся. С востока на них идет Красная Армия. С запада подпирают партизаны.

НА СТАРЫХ ПОЗИЦИЯХ

Бригада Львова оставила остров и вернулась в Сквощин. Отряды заняли ранее укрепленные за ними населенные пункты. Партизаны очень нуждались в отдыхе, а в деревнях, куда они вернулись, порой не было ни единой целой хаты – гитлеровцы разбомбили деревни. И не все жители еще вернулись из своих лесных убежищ. А вернуться – им же помочь надо: обустроиться и начать посевную. Сейчас посеют, а убирать будут, когда сюда придут наши. А фронт подходит, уже у Днепра.

Сходу в засаду

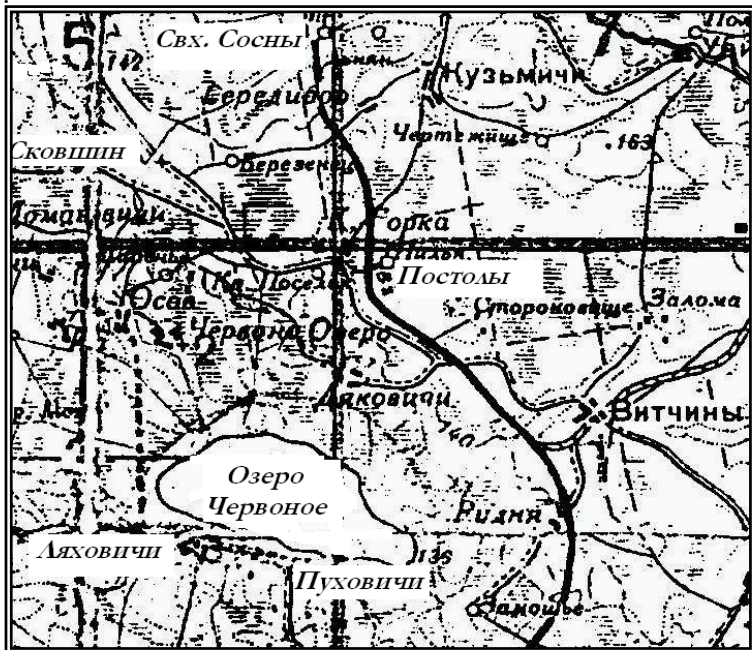
Первую ночь после блокады отряд провел не в деревне, а в лесу, недалеко от дороги. Все, кроме часовых, спали – это и был отдых после смертельно опасной блокады.

Чуть свет командир отряда Шпрыгов с ротой Перельгина перешёл на другую сторону дороги и вдоль опушки соснового леса устроил засаду. Комиссар Тасминский с частью отряда остался на месте, в лесу и на некотором удалении от дороги: если противник бросится в кюветы, Тасминский нанесет удар сзади.

Уже полдень, а враг не появляется. Надо ждать. И главное, не выдать своего присутствия. А могут и вовсе не пойти. Нет – пойдут непременно! – немецкое командование в категорической форме потребовало от оккупационных подразделений срочных заготовок продуктов для фронта.

И вдруг негромкий вскрик дозорного: «Немцы!..»

По дороге медленно двигалась колонна, дула автоматов направлены на обе стороны дороги. Остановились в трёхстах метрах от засады. Вот офицер высылает вперед разведку. Партизаны «не замечают» разведки, пропускают её «туда и обратно».

Колонна продолжает движение – значит, разведка противника не заметила ничего подозрительного.

Вот колонна вытянулась вдоль засады.

По команде Шпрыгова грянул партизанский залп...

На дороге остались лежать более десятка оккупантов. Остальные бросились в лес. Но оттуда – залпы основной части отряда под командованием Тасминского.

Спасение жителей деревни Ветчин

Спустя несколько дней отряд направился из Сковшина к станции Житковичи. Предстояло уничтожить либо обстрелять важный вражеский эшелон, который должен идти к восточному фронту в два часа ночи.

Но в пути стало известно, что недавно в деревне Новосёлки появились немцы, и утром они выйдут оттуда, чтобы учинить расправу над жителями деревни Ветчин. Эше-

лон эшелонем, но партизаны – народные мстители, и если народ, люди в беде, к ним надо идти – защищать. Это сейчас главное.

Вечером отряд вошел в Ветчин. Жителей предупредили: возможно, утром будет бой – укройтесь в безопасном месте.

Подготовив окопы, основные силы отряда расположились на отдых. Взводу Ляпина (с ним пошёл начальник штаба отряда Дроздов) задача: притаиться в лесу недалеко от деревни и отрезать путь отхода противнику, если тот попытается повернуть обратно на Новоселки.

Ночь подходила к концу, а вот и первые петухи.

Конная разведка доложила: немцы с «добровольцами» уже вышли из Новоселок.

Прошло ещё часа четыре, и «долгожданный» враг появился. Уверенные в безопасности, каратели идут без разведки. Впереди – колонны «добровольцев», вооруженные винтовками, за ними немцы с автоматами. Противника столько же, сколько и партизан.

Подпустив поближе, Шпрыгов подает команду:

– Огонь! Круши!

Первые ряды карателей скошены.

Не давая врагу опомниться, Шпрыгов поднимает бойцов в атаку. Каратели, прикрываясь беспорядочным огнем, отходят по той же дороге, по которой пришли. Но минут через десять доносится дружное «ура!». Это взвод Ляпина отрезал карателям путь на Новоселки.

Не вступая в бой, противник удалился.

Более двух десятков карателей навсегда остались у деревни Ветчин. Собрав трофейное оружие, отряд вернулся в Сквашин.

А тот эшелон, который отряд намеревался уничтожить в ту ночь, так и не проходил: кто-то фашистов предупредил...

ЦЕЛЬ – КОММУНИКАЦИИ ВРАГА

Как помешать отступающим фронтовым частям противника перегруппироваться, обновиться? Здесь главное – разрушить его коммуникации, автомобильные и железные дороги.

Но как развернуть диверсионную работу, если нет взрывчатки, мин, закончились патроны к советским автоматам? Было только то, что удавалось добыть в бою – трофейные оружие и

боеприпасы. И ещё было много раненых и тяжело больных, на исходе медикаменты. Без помощи Большой Земли не обойтись.

Партизанский аэродром

Выход был в строительстве аэродрома в зоне расположения партизанских бригад — со взлетно-посадочной полосой длиной не менее 1500 и шириной 700 метров. Вблизи деревни Комсомолец бригадные разведчики отыскивали подходящую поляну, заросшую небольшими деревьями и кустарником.

Каждому отряду был отведен отдельный участок, и вооруженные топорами, пилами, лопатами и носилками бойцы принялись за работу. Работали днём и ночью — и аэродром

был построен за восемь дней. Комиссия во главе с начальником штаба Минского соединения приняла новый аэродром и сообщила об этом в Центральный штаб партизанского движения.

Через два дня совершил посадку первый самолет, пилотируемый Марией Грызловой. Выгрузили взрывчатку, ящики с патронами, мешки с одеждой, солью, махоркой, газеты и письма. В самолет погрузили раненых и больных.

И теперь на партизанский аэродром, что у деревни Комсомолец, самолёты садились почти ежедневно — им пользовались все бригады полесской зоны.

Беседуя с летчиками, а также с людьми, прилетавшими с ними, партизаны, особенно пожилые, нет-нет, да и спрашивали: будут ли после войны колхозы? Что об этом говорят в Москве? Понятно, какой ответ хотелось им услышать. *И они его слышали.* И не только от приезжих, но и от своих командиров и комиссаров: да, да, дескать, советское правительство уже раздумывает над тем, чтобы после войны распустить колхозы и что разрабатывается новая конституция, которая даст больше свободы. Услышанное бойцы передавали как важнейшую новость сельчанам.⁸

⁸ «Как самозабвенно лгали мы, партизаны, себе и несчастным бабам, колхозникам, которых фашисты жгли, убивали за помощь нам, «сталинским бандитам»: зато колхозов уже не будет!

Практика условных расстрелов продолжалась...

Конец июня 1944 года. Скоро, скоро состоится встреча с частями Красной Армии. Но пока жизнь идёт своим чередом.

Общее построение отряда. Перед строем стоят два бойца. В отряде уже прошел слух: накануне проходило разбирательство по делу о мародерстве. И вот итог – чтение приказа.

Приказ № 7

по отряду им. Кирова 37-й п.б. им. Пархоменко

д. Домановичи

Во время нахождения на хозяйственной операции (по заготовке сухарей для н/з) в деревнях Чижевичи и Язвины 13 июня 1944-го года партизанами 2-го взвода 2-й роты Прокопчиком Алексеем Трофимовичем и Кулеш Константином Антоновичем были допущены факты грубого обращения с мирным населением: избиение женщин, отбор у бескоровных граждан последних запасов жиров. На предупреждение кандидата ВКП(б) партизана Храпко Н.П.⁹ о недопустимости такого поведения, Прокопчик и Кулеш своих действий не прекратили, а наоборот, на стороне, между собой выразились, что *«надо убрать таких партизан, которые мешают нам в подобного рода работе»*.

Такое отношение к мирному населению, и без того ограбленного немцами в ходе войны, направлено вразрез задач партизанского движения. Подобного рода факты обостряют мирное население и придают пользу врагу.

Исходя из вышеизложенного, приказываю:

Прокопчика Алексея Трофимовича и Кулеш Константина Антоновича **расстрелять**.

Приговор привести в исполнение в случае, если со стороны Прокопчика А.Т. и Кулеш К.А. будут повторены подобного рода случаи.

Командир отряда им. Кирова (подпись) Шпрыгов

Комиссар отряда им. Кирова (подпись) Тасминский

Начальник штаба отряда им. Кирова (подпись) Дроздов

18 июня 1944

И всё будет не так, как до войны!.. Мы добросовестно валили нашим бабам и мужикам насчет новых порядков... Людям было так обидно умирать за эти самые колхозы», – напишет Алесь Адамович («Литературная газета» от 15 августа 1990 г.).

⁹ Храпко Николай Петрович.

Третий этап «рельсовой войны»

Близился час освобождения всей Белоруссии от захватчиков. Накануне белорусской операции «Багратион» штаб Минского соединения получил самолетами с Большой Земли несколько тонн взрывчатки и другие средства для подрыва рельсов. Это – для третьего этапа «рельсовой войны».

Бригаде Львова определен участок Уречье–Старушки.

Разведка показала, что на этом участке усиленная охрана, много дзотов – особенно на делянке «кировцев».

Подрыв рельсов – дело привычное, но, учитывая, что в отряд вошло много новых людей, решено было провести практическое обучение новичков, а с теми, кто имел уже опыт, провели тренировки.

В ночь с 21 на 22 июня 1944 года боевые группы отряда, блокировав вражеские огневые точки, заложили толловые шашки и подорвали только на трехкилометровом участке 680 рельсов. А бригадой Львова в целом было уничтожено 936 рельсов. В этом же районе спущено под откос 7 эшелонов. Движение по этой ветке было прекращено. И даже впоследствии, в мирное время, ее уже не пытались восстановить.

Боевые операции партизан против фашистских оккупантов, сливаясь с успешными наступательными действиями советских войск, приближали день освобождения Беларуси от ненавистного врага.

ПОСЛЕДНИЕ БОИ

А тем часом издалека,
Глухо, как из-под земли,
Ровный, дружный, тяжкий рокот
Надвигался, рос. С востока
Танки шли.
А. Твардовский

23 июня Красная Армия начала операцию «Багратион»: широкое наступление до полного освобождения Белоруссии от немецких войск.

24 июня 1-й Белорусский фронт стал наступать на Бобруйском направлении. К исходу третьего дня достигнут рубеж Березины южнее Бобруйска, форсирована Птичь, взят г. Глуск, началась осада Бобруйска (освобожден 29 июня).

Штаб соединения отрядов Минской области поручил 37-й бригаде Львова:

оборонять Сковшин, Обидемлю, Заберезинец и Гнойный Рак (не допустить уничтожения самих деревень и угона людей в Германию);

захватить и удерживать до подхода частей Красной Армии выгодные рубежи через Оресу;

перекрыть немцам пути отхода на озеро Червоное (стало известно, что они хотят воспользоваться опытом партизан по выходу из блокады).

30 июня 1944 г. Вдруг послышались тяжелые разрывы, сплошной треск автоматов и винтовок, длинные пулеметные очереди и многоголосое «ура!» Это наступали бойцы 55-й гвардейской стрелковой дивизии под командованием генерал-майора Турчинского.

Восторг охватил партизан:

«Ура! На-ши! На-ши!»

Встреча «кировцев» с армией произошла у д. Чижевичи Слуцкого района. Был обоюдный

оружейный салют. Партизаны достреливали оставшиеся патроны.

Спросите любого ветерана-партизана: какой самый памятный день войны для него? И он вам ответит: *«День, когда мы, наконец, встретились с Красной Армией»*.¹⁰ Этот же день считается и официальной датой расформирования бригады.

Тогда бойцы дивизии и партизаны, идя навстречу друг другу, перемололи значительную часть крупной группировки противника. Несколько тысяч гитлеровцев укрылись в окрестных лесах. По наиболее крупным скоплениям противника в лесу

¹⁰ 30 июня 2005 года звонит мне ветеран-партизан Валентин Константинович Филиппчик: *«А знаете, какая дата сегодня?.. Шестидесят один год назад мы соединились с Красной Армией!»* Мало, почти не осталось, у него в живых друзей-партизан. И вот он делится со мной этой радостью. — **А.Т.**

были нанесены артиллерийские удары, а мелкие группы захвачены в плен, либо уничтожены.

30 июня освобожден Слуцк. С большим восторгом, с хлебом и солью встречал народ своих освободителей – Красную Армию и партизан. Лица людей, стоявших на улицах с цветами и хлебом-солью, были светлы и радостны.

А 3 июля 1944 года была освобождена столица Белоруссии – Минск.

ПРОЩАЙ, ПАРТИЗАНСКАЯ ЖИЗНЬ!

К этому времени партизаны были настолько измотаны блокадой и боями, что сил на какие-либо действия уже, казалось, не осталось.

Из штаба соединения поступило распоряжение разместить отряды по деревням на отдых. Такое решение объяснялось еще и следующими обстоятельствами. В здешних лесах и деревнях оставалось немало немецких солдат и офицеров, «добровольцев» и полицаяв. Местность надо было тщательно прочесать и очистить от этого сброда. Иначе можно было получить в тылу наших войск другого рода «партизан».

То есть отдых был активным.

Была и еще одна причина «отдыха». Это полное отсутствие каких-либо документов у партизан. Им предстояло вернуться домой или влиться в ряды Красной Армии. А кто он и где был в годы войны, как воевал (с кем и против кого?) – вот такой документ ему надо было иметь.

Временно пошли на такую уловку. Партизанам были выданы удостоверения с подписью командира и комиссара бригады и указанием находящегося у данного лица на руках системы и номера оружия. И всех вооруженных людей, не имеющих такого удостоверения, задерживали смешанные патрули Красной Армии и партизан.

Постепенно спадало напряжение, которое сопровождало партизан три года. Люди стали понемногу привыкать к нормальной пище.

Анна Митрофановна Адамович так описала этот процесс:

«Прикрепили нас на готовое питание. Была очень славная семья из трёх человек. Посадили нас за стол, уставленный всякой едой. II соль в маленькой солонке. Первое, что мы взяли, – это хлеб, густо посыпан солью. С каким удовольствием мы проглотили эти кусочки. II, глядя друг

на друга, сказали: «Какая благодать! Ещё бы». И я, самая смелая, обратилась с просьбой, вернее, с вопросом: «Бабушка, есть ли у вас еще соль?» — «Есть, есть, дорогие детки, сколько хотите!». — «Так мы просим вас подавать в мисочке». И недели две ели прямо ложками. И потом зеленый лук. Сидели около грядки, взяв по куску хлеба, густо посыпав солью, рвали зеленые перья и ели, пока не насытили истощенные организмы»¹¹.

Командиры, комиссары и начальники штабов отрядов Минского партизанского соединения были направлены в деревню Лошица, что под Минском (сейчас это почти центр белорусской столицы). Там размещался Белорусский штаб партизанского движения. И там кипела работа.

Голова шла кругом: столько писанины!

Вон сколько отчетных документов надо подготовить и сдать: список личного состава отряда; список лиц, работавших на партизан; список лиц, состоявших на службе в немецких учреждениях, полиции, в качестве старост, бургомистров или работников этих аппаратов, с указанием, в чем именно выражалась их работа на партизан; все имеющиеся материалы на предателей и изменников; все документы и материалы отряда (журнал боевых действий, дневники, аттестации); списки партизан, погибших в боях с указанием времени и обстоятельств гибели и места захоронения; список лиц, дезертировавших из отряда; список всех лиц, расстрелянных партизанами, с указанием причины расстрела и с приложением имеющихся по этому вопросу материалов; все трофейные немецкие документы; список всех печатных изданий, отчет о боевой деятельности и политической работе, заключающий все основные показатели боевой деятельности, с кратким описанием наиболее крупных операций...

¹¹ Там же, с.173.

Да так были заняты, что не все командиры смогли попасть на партизанский парад, что состоялся 16 июля 1944 г. в Минске. А это было грандиознейшее и памятное событие для всей республики, первый праздник минчан после трёхлетнего пребывания под гнетом фашистской оккупации!

Отряд трижды терял свою документацию. Первый раз – в августе 1942, когда выходил из блокады: много документов пришлось уничтожить, оставив лишь то, что можно было унести на себе. Второй раз – в феврале 1944 года, когда штабные сани, на котором лежали мешки с документами, провалились под лёд реки (в условиях нападения немецкой засады). И, наконец, в блокаду в мае 1944 года, когда отряд уходил к Червоному озеру от немцев по мелиоративным каналам чуть ли не по горло в болотной жиже, – тогда были подпорчены, а то и вовсе пришли в негодность немало документов – списки отряда, наградные листы...

Некоторые фамилии и цифры можно было восстановить по предыдущим отчетам прежних командиров и комиссаров в штабе соединения. Но многое пропало. Командир, комиссар и начальник штаба выуживали друг у друга сведения о своем же отряде. Вызвали ветеранов отряда и восстанавливали хронологию и списки отряда. Но уже не восстановишь наградных листов. Все это могло сказаться на послевоенном устройстве партизан, их «самочувствии». Так оно и было.

*

В отряде им. Кирова в момент его расформирования числилось 265 человек. Некоторые партизанские командиры предлагали: давайте сколотим из молодых парней новые отряды, перейдем линию фронта и еще погромим тылы врага. Но армейцы завопили: «Нет, мы на такое не согласны: у нас в батальонах всего по сотне, а то и меньше человек осталось!»¹²

Молодые парни явились в Слуцкий райвоенкомат, там их как «компенсацию потерь» после медицинского обследования распределили по дивизиям Красной Армии, и пошли они вперёд – на запад. Там, на западе – под Кенигсбергом и Берлином –

¹² Возможно, так, как предлагали партизаны, и было бы лучше. Опыт освобождения Любани и Слуцка показал, что одновременные удары по врагу спереди и сзади довольно эффективны, в смысле достижения победы при наименьших потерях. – **А.Т.**

многие из них сложат свои головы в боях за «безымянные» высоты.

У меня нет данных, куда и сколько бывших партизан направили из отряда им. Кирова, но есть данные по отряду Щорса. На день расформирования в отряде было 279 человек. Из них направлены: в Бобруйский и Слуцкий райвоенкоматы – 212 человек, в органы НКГБ – 11, в госпиталь – 6...

Александр Адамович:

«Соединились с армией – и большинство из бывших «добровольцев», не спрашивая, кто как партизанил, отправили в штрафные роты. Василий Попов уж сколько раз вину свою искупил – группа его пустила под откос 18 шелонов, – а послали искупать ещё раз.»

Подростки, старики и женщины пошли к своим домам. Многим идти туда было не так уж и далеко. Да только не у многих дом родной сохранился – руины и пепелища!

Всех ждали огромные трудности послевоенных лет. Мирная жизнь потребовала проявления иных качеств, нежели те, которые вырвали человека военных «буднях».

*

Какая занятость ни была, но однажды вырвались командир и комиссар, Шпрыгов и Тасминский, в Минск. Иосиф Тасминский искал свою семью, и Владимир предложил свою помощь. Пошли вместе.

На месте дома, где жила жена Иосифа с сыном, руины. Защемило сердце от боли у Иосифа. Владимир беспокойно оглядывался по сторонам, как будто искал поддержки со стороны. Увидел

пожилую женщину, спросил, все ли жильцы этого дома погибли? Та ответила: погиб лишь один старик, остальные из развалин перебрались кто куда; а кого именно вы ищете?

И тут оказалось, что женщина знает, что жена Иосифа с сынишкой перебралась в дом на соседней улице. Это пять минут

хода. Там, в доме на соседней улице, подтвердили: да, ваша жена жила здесь, да только вот уже как год она находится в беженстве в одной из деревень под Минском.

Тут же ускоренным шагом пошли комиссар и командир туда – в деревню. Для партизана 15 километров – это два часа ходьбы.

А вот и она – жена комиссара... Бежит навстречу. За ней робко тянется сынишка... Будущий автор вот этой книги.

Обратно, в Минск, командир и комиссар отряда несли меня попеременно на плечах. И было им тогда вместе на десять лет меньше, чем мне теперь одному.

